

Адизбаева Д.Ж.

ДИАЛОГИЗМ М.М. БАХТИНА И ОТКРЫТИЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В ФИЛОСОФИИ

D.Zh. Adizbaeva

DIALOGISM OF M.M.BAKHTIN AND DISCOVERY OF PHENOMENOLOGICAL DIALOGUE IN PHILOSOPHY

УДК: 141.8.10(09)

В статье рассматривается диалогизм М.М. Бахтина и открытие феноменологического диалога в философии, также даются понятия логики, диалога с философской точки зрения.

The article reviews the dialogism of M.M.Bakhtin and the discovery of phenomenological dialogue in philosophy. The concepts of dialog's logic from the philosophical point of view are given as well.

Многовековая философская традиция, отразившаяся и в других сферах деятельности человека, подразумевает понимание диалога как диспута, в результате которого одна из сторон убеждает другую в правильности некоего утверждения: «в споре рождается истина».

Итак, если логика – регулятор, дедуктивное доказательство – объект регулирования, поток высказываний – вход объекта, а значимость высказываний – его выход, то логическая «система управления» подчиняется закону необходимого разнообразия, в рамках которого только полиморфный логический вывод позволяет успешно регулировать гомеостаз системы мыслимых доказательств. Если цель доказательства – минимизация неопределенности доказуемого в приемлемое время, т.е. максимизация информативности на единицу ресурсных затрат, то она достижима при выполнении принципов выбора кода и согласования кодов, учете принципов объективности помех и неопределенности сигнала, а главное, при ориентации на закон информационной экспансии как герменевтическую установку доказательства. Из этого следует, что традиционное доказательство как информационно-энергетический («затратный») процесс управления в современных условиях должен уступить место доказательству как взаимопониманию – чисто информационному («энергосберегающему») процессу. Так современное философское знание обосновывает неизбежность перехода в процессе управления от «одномерного» логического диалога к «многомерному» феноменологическому.

Таким образом, диалог – особая форма коммуникационного взаимодействия – интеллектуального, поведенческого, предметного, включающая ряд промежуточных действий, создающих некоторого рода цепь. В ней участвуют, по меньшей мере, две стороны: после определенного действия одной стороны наступает действие другой. Взаимосвязь этих действий может

определяться различным образом – в терминах действия и противодействия, вопроса и ответа, атаки и обороны или контратаки, доказательства и опровержения или критики, вызова и защиты и целого ряда иных терминов. Да и сам диалог может носить конструктивный или деструктивный характер, быть выражением партнерства или враждебности, обладать ярко выраженным познавательным интересом и определенной целью или вырождаться в логомахию. Диалог двуетудин уже в том, что сочетает в себе и форму, способ существования и содержательную направленность. Но каковы бы ни были возможные точки отсчета, нельзя отрицать 1) всеобщность диалога как основы человеческого взаимодействия, всеобщность диалогизма и диалогических отношений и 2) наличие определенных правил (условий возникновения) диалога, без соблюдения которых он невозможен.

В трактовке М.М.Бахтина диалог становится универсальным понятием, «пронизывающим всё человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще всё, что имеет смысл и значение».

В частности, это понятие становится применимым как к анализу общих отношений языка и текста, так и конкретно к антропологии и к онтологии. «Быть, – пишет он, – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, всё кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться... Всё – средство, диалог – цель. Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия». Таким образом, диалог есть условие любого бытия, именно залог этого бытия. Лишь наличие диалога может свидетельствовать о существовании субъекта, понятие диалога почти что дублирует и органично дополняет смысл категории сосуществования, а именно идею коллективного сообщения. Более того, диалог, и только он, может стать способом познания, так как представляет собой объективацию персонального знания, равно как и способ воссоединения субъектов диалога, а не просто способ отношений субъекта и объекта познания, если использовать терминологию новоевропейской философии.

В книге «Эстетика словесного творчества», Бахтин открыто проговаривает идею созерцательного способа познания, то есть не отделяющего субъект от объекта, противопоставляя его аналитическому способу ново-

европейского философии. «Осмысление как открытие наличного путём узрения (созерцания) и прибавления путём творческого созидания». Смысл в его трактовке вообще не может быть вычленен из общего содержательного контекста мира и приобретает универсальные характеристики. «Содержание подлинного символа через опосредованные смысловые сцепления сотнесено с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого универсума». Познание, таким образом, познание не есть только диалог с отдельным субъектом, необходимо учитывать и диалогические взаимоотношения второго рода, которые связывают все вещи, в пределе есть единство и «полнотой космического и человеческого универсума». «У наблюдающего нет позиции вне наблюдаемого мира, и его наблюдение входит как составная часть в наблюдаемый предмет», — пишет он в другой работе. В новоевропейской парадигме субъект также определённым образом входит и влияет на объект исследования, в субъективном идеализме Беркли вообще формирует его, однако, традиционно европейская философия и наука стремилась исключить это влияние из сферы научного исследования, стремилась воспринимать мир объективно, забывая при этом, что исследованием занимаются конкретные субъекты-учёные, пыталась исключить персональное начало как из науки, так из философии. И если в философских трудах ещё можно встретить местоимение первого лица единственного числа, то в научных трактатах это просто исключено. Однако, современная наука во многом отказалась от этих принципов. Бахтин в данном случае, опираясь на историческую традицию отечественной мысли, формулирует один из принципов современного исследования. Он пишет: «Повсюду действительный или возможный текст. Исследование становится спрашиванием и беседой, то есть диалогом». Наука в этом случае уже не является монологичным препарированием «мёртвого» объекта, но взаимодействием с ним. Основываясь на этом утверждении можно предположить ценность метафизического и даже мистического опыта для исследования, но не только рационального знания. Эту апелляцию к метафизическому опыту исследователя М. Бахтин называет «выходом за пределы понимаемого».

В бахтинском понимании и изложении, диалог раскрывается как смыслообразующая и смысло-аналитическая процедура. Откуда мы можем знать, какие мы? И зачем нам это знать? Наше бытие становится определённым благодаря существованию других. Это благодаря оценкам других, благодаря отношению других мы получаем некоторую определенность.

И эти оценки другими нам безразличны. Мы соглашаемся с ними или отвергаем их. От

них зависит жизнь. Оценки выражают отношение людей, препятствуют или способствуют существованию, осуществлению целей. Оценка другим человеком очерчивает границы наших возможностей. Таким образом, находясь среди других людей, общаясь с ними диалогически, вступая с ними в определенные отношения (даже избегание контактов, чуждание людей — тоже определенная форма отношения), мы становимся самими собой, чем-то определенным, "имеющим место" в бытии. "Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. <...> Два голоса — минимум жизни, минимум бытия". Феномену диалога Бахтин придает универсальное значение. Диалогические отношения людей — не просто "одно из" проявлений их бытия, а явление, пронизывающее всю человеческую речь (и сознание), все отношения и проявления человеческой жизни, всё, что имеет смысл и значение.

Свою диалогическую концепцию бытия Бахтин развивает, опираясь на литературные произведения Ф.М. Достоевского. Этот писатель создал, по определению Бахтина, принципиально новую — полифоническую — форму романа. Достоевский представляет читателю своих героев совершенно особым способом: писатель не манипулирует ими как объектами, не судит своих героев, пользуясь своей привилегией автора (как бы "бога", возвышающегося над сотворенным им миром), а дает героям самим высказать себя, свою правду о мире, свое видение других людей и себя самих среди людей. Слово героя тут не служит рупором авторского голоса. Сознанию каждого героя противостоят сознания других героев; ни у кого нет привилегии на единственную правду, каждый человек — носитель собственной правды. Читатель не столько "видит" героев (Достоевский обычно не дает однозначного и завершенного образа героя), сколько слышит их «голоса», как бы подслушивает диалоги между ними и их внутреннюю речь ("микро-диалоги"). Таким образом, Достоевский создает полифонию (многоголосие), и его задача — не судить героев с "единственно правильной", авторской, точки зрения, а сводить героев друг с другом в "большом диалоге" в мире произведения.

Потому М.М. Бахтин нашел в сочинениях Достоевского наиболее подходящие модели для философского осмысления феномена диалога. Бахтин характеризует творчество Достоевского словом "диалоговедение", однако мы можем заметить, что писатель, скорее, моделировал художественными средствами диалоги, а исследование ("ведение") их как предмета научного анализа осуществлено уже Бахтиным; таким образом, термин "диалоговедение" более подходит к творчеству самого Бахтина.

Понимание человеческой личности, как показывает Бахтин, возможно только благодаря

диалогу. Человек изнутри самого себя не может ни понимать себя, ни даже стать собой. Мой дух изнутри себя не "видит" своих границ, не имеет образа себя. Только других я вижу как объекты – в целом и среди других объектов, т.е. вижу их границы, имею их образы. Сам для себя я не могу быть объектом. Я не вхожу в свой собственный кругозор. Даже когда смотрю на себя в зеркало, поражаюсь призрачности, нереальности видимого, чувствую раздвоение, несовпадение меня, видимого в зеркале, и меня, переживаемого изнутри. Только другие люди видят меня в целостности. Чтобы охватить личность в целом, нужна позиция внеаходимости. Я вижу мир, вижу других в мире, но не себя в мире; другой видит меня в мире и обладает, таким образом, избытком видения по сравнению со мной. При встрече с другими мой дух (и дух другого) выявляет свои границы и тем самым воплощается в душу. Изнутри меня самого души как целого нет. Я вхожу в мир как главное действующее лицо, я вызываю у других удивление, восхищение, испуг, любовь, вижу у других выражение этих отношений ко мне, но себя не вижу. Мы ловим отражения нашей жизни в сознании других людей. Можно сказать, что другие дарят мне меня как нечто цельное и определенное.

Но каким образом с позиции внеаходимости можно познавать личность, особенно ее внутреннюю жизнь? М.М.Бахтин показывает несостоятельность двух типичных подходов к познанию личности. Один из них предполагает, что душу другого человека можно понять путем "вчувствования", "вживания" в него. Этот путь, характерный для "философии жизни", ведет познающего к "слиянию" с переживаниями другого, но при этом познающее "я" должно забыть, потерять себя, "утонуть" в другом. В результате "я" утрачиваю позицию внеаходимости и способность видеть другого в целом. "Чистое вживание" несостоятельно, – замечает Бахтин, – оно должно выступать в единстве с объективацией, т.е. отделением другого индивида от себя и взглядом на него извне как на объект.

Второй критикуемый Бахтиным метод познания личности заключается как раз в односторонней объективации, "овеществлении" человека, односторонне – объективном его познании. Такой подход характерен для механистической психологии. Изъяны "объектного" безучастного анализа человека Бахтин усматривает в двух аспектах.

Во-первых, этот метод проходит мимо самого существенного в человеке – его свободы, незавершенности, несовпадения с самим собой. В любой момент своего существования человек имеет в себе помимо того, что мы в нем

"объективно" видим, еще и возможности (то, что еще объективно не существует: нечто желаемое, предполагаемое, воображаемое); он как бы живет своим будущим (мгновением, часом, веком), скрытым от нашего взгляда и суда. Поэтому человек никогда не совпадает с самим собой, с тем, что он "уже" есть; он способен опровергнуть данную ему другими или самим собой характеристику. "Пока человек жив, он живет тем, что еще не завершен и еще не сказал своего последнего слова". Потому – то "подлинная жизнь личности совершается как бы в точке этого несовпадения человека с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие, которое можно подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли, "заочно". Примером такого "вещного" подхода являются сцены следствия и суда над Дмитрием Карамазовым в романе Достоевского: следовательно, прокурор, судьи видят Дмитрия уже "готовым", вполне определенным, как вещь, тогда как его подлинная личность все время пребывает на пороге внутренних решений и кризисов, и настоящим судом герой сам себя будет судить.

Во-вторых, приверженцы механистической психологии стараются рассматривать человека не взглядом другой живой конкретной личности, а с позиции безучастного, бесстрастного "сознания вообще". Такие попытки и ложны, и малопродуктивны. Ложность состоит в том, что безучастное "сознание вообще" невозможно. Любой исследователь (в том числе и сторонник механистической психологии) – "живой человек", подверженный своим пристрастиям и антипатиям, накрепко связанный со своим фактическим, единственным и неповторимым индивидуальным бытием. Претендовать на безучастное видение мира и другого человека можно лишь в абстракции, т.е. в отвлечении от того, что каждый из нас может видеть мир лишь своими собственными, человеческими, участными в мире глазами. "Никто не может занять нейтральной к я и другому позиции...". Итак, "внутреннего человека" нельзя раскрыть ни как объект безучастного нейтрального анализа, ни путем вчувствования; он сам должен раскрыться в диалоге благодаря общению с ним.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. - М.: "Сов. писатель", 1963- 469 с.;
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М.: "Искусство", 1979;
3. Мартеньянов Ю.С. К формализации способов речевого воздействия // Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов. М., 2004.

Рецензент : д.филос.н., профессор Эдилова М.М.